

ЛИЦОМ К ЛИЦУ ЛИЦА НЕ УВИДАТЬ...

Осенняя Казань сияет золотыми бликами широколистных клёнов и ржавыми пятнами облетающих лип.

Уютный подвальчик в музее М. Горького, где регулярно собираются казанские поэты, в основном молодые и начинающие. В числе последних немало солидных дам предпенсионного и пенсионного возраста. Читают стихи, спорят до одурения, бывает, и «расслабляются».

Это, пожалуй, единственное место во всей Казани, где постоянно звучат имена Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Цветаевой, Хлебникова, других русских поэтов. И почти никогда — «деньги», «баксы», «мани», «сум».

В наш век стало общим местом жаловаться на меркантильность нынешней молодёжи, на бездуховность и прагматичность постсоветской эпохи. Но ни духовность, ни поэзия, ни высокие идеалы никуда не делись. В такие дни они обитают в этом обычно пустынном, забытом Богом подвальчике.

Звучат стихи... Пусть порою откровенно графоманские... Пусть с жуткими подвываниями. Но они не просто звучат — их слушают, обсуждают, их принимают всерьёз. Обычно каждый приносит сюда только что написанные поэтические строки или новые публикации. А иногда — впрочем, не очень часто — новые стихотворные сборники.

Каждая такая книга в жизни литературного объединения — событие. Хотя бы для самого автора и его близких. О ней мечтают бессонными ночами, её вынашивают, как младенца в утробе. И не девять месяцев, а порою всю жизнь. А когда она, наконец, выйдет, носятся с ней, как с писаной торбой. С наслаждением вдыхают запах типографской краски, любовно поглаживают бумажную обложку (на твёрдый переплёт у большинства не хватает либо денег, либо признания). И свято верят, что их сокровенное слово перевернёт мир. В крайнем случае — внесёт свой вклад в сокровищницу если не мировой, то хотя бы провинциальной поэзии...

Вот и на этот раз новую книжку стихов «В ладу с размирьем» принесла Лилия Газизова — нарядная, в широкополой старомодной (или слишком модной) шляпе, красивая, уверенная в себе и с такой обворожительной улыбкой, что многие мужчины восхищённо пялятся на неё, а женщины хмуро отводят взгляд. Она читает стихи из только что законченного цикла «Буржуиночка», явно эпатируя кое-кого из собратьев по перу:

Я слишком буржуазна для поэта —
Я слишком хорошо всегда одета.

Желательно быть нервной, истеричной,
С запутанной донельзя жизнью личной.

Я слишком уязвима для поэта,
Комфортом укрываюсь, словно пледом.

А надо быть беспомощной, смешной,
Растерянной, нелепой и одной.

Так лучше, что ли?

Одни встречают её стихи аплодисментами, другие от-малчиваются и отводят глаза.

Вслед за нею поднимается Наиля Ахунова. У неё шляпка чёрная и поля гораздо меньше. Как и её коротенькие стихи в духе японских хокку.

Александра Кашина не может подняться. Она прикована к инвалидной коляске, но в стихах она воспаряет к небу:

Всё чаще хочется клубочком
Свернуться на коленях тёплых,
Когда вся жизнь из многоточий,
И веришь сказкам и актёрам.

Быть снова маленькой и глупой,
И от души лишь смех и слёзы,
Когда вся жизнь сиюминутна,
И веришь в Дедушку Мороза.

Читает Кашина несколько приглушённо, негромко. Но слова её проникают в душу сами собой, без усилий. Невольно вспоминаются слова Рустема Кутуя: «Кашина сообщила поэтическому языку раскованность, сбивчивость, прерывистость дыхания и свободу вдоха, вскрика».

В этот день тон в подвальчике задают поэтессы. Всё это люди, для которых поэзия — в центре мира, погружённого в мелочные дела и расчётах. Да, она плохо сочетается с его бренными заботами. Вернее, совсем не сочетается. Но для них это не так уж и важно. Если она, высокая поэзия, нашла себе место в душах авторов, то наверняка ей найдётся местечко и в душах читателей. Пусть немногих, но зато самых чутких, самых интеллектуальных.

Да, эта подвальная поэзия занимает в огромном мире очень скромное пространство. Но ведь это особый мир — мир высокой духовности, чистых идеалов, бескорыстной веры в добро и справедливость. Мир чарующих звуков и мелодий, засасывающий, как наркотик.

Сейчас мы встали на капиталистические рельсы. Во всём стараемся подражать Западу. Но стоит ли так обезьянничать? Я несколько раз бывал в Германии, общался со многими немецкими писателями. И с удивлением убедился, что поэзия там занимает не просто скромное, а очень незначительное место в общественной жизни. Даже известные, признанные поэты издают книги преимущественно за свой счёт, причём — мизерными тиражами: 300—500 экземпляров. И те зачастую не распродаются, а раздариваются. Поэзия там считается личным делом каждого. Хочешь писать — пиши. Только ни особого внимания, ни денег не требуй.

У нас же традиции несколько иные. И аудитория намного шире. И пишущих стихи заметно больше. Пока жива поэзия — жива духовность.

Возникает сакраментальный вопрос: сколько в Казани поэтов?

В подвальчик в музее Горького более или менее регулярно ходит человек пятьдесят. Русскоязычных поэтов, принятых в члены Союза писателей Татарстана, примерно вдвое меньше. Но это лишь верхушка айсберга.

Социологические опросы показывают, что примерно каждый десятый хотя бы несколько раз в жизни пробовал сочинять стихи. Нетрудно прикинуть, что на миллионную Казань приходится более ста тысяч пишущих рифмованные строчки. Те же опросы свидетельствуют, что активнее всего сочинительством занимаются либо подростки и «зелёная» молодёжь, либо пенсионеры. Людям среднего возраста, занятым житейскими заботами и зарабатыванием денег, просто некогда заниматься подобной «ерундой».

Но, как любого, мурлыкающего себе под нос популярную мелодию, не назовёшь эстрадным или оперным певцом, так и всякого, сочинившего рифмованную муть по случаю Нового года или дня рождения жены, не назовёшь поэтом.

Где же критерий? Обычно смотрят на публикации и изданные книги. Но ведь среди таких тоже полно графоманов. Тем более сейчас, когда каждый, имеющий в кармане лишний десяток тысяч рублей или богатого спонсора, может издать собственную книжку. Без всяких строгих редакторов и придирчивых рецензентов.

Споры на эту тему возникают чуть ли не на каждом заседании литобъединения. Чаще всего приходят к выводу, что поэтом можно назвать лишь того, кто сказал в поэзии новое слово, внёс свой вклад в сокровищницу литературы. Но и тут критерии весьма расплывчаты и субъективны. Так, составляя антологию русскоязычной казанской поэзии «Как время катится в Казани золотое...», Лилия Газизова сочла возможным поместить в книгу стихи около сотни авторов. Можно спорить о том, все ли они являются истинными поэтами. Но то, что в этом объёмистом томе то и дело поблёскивают золотые крупинки, не подлежит сомнению.

Гораздо строже подошёл к составлению своей собственной «Казанской антологии» писатель Владимир Лавришко. По его мнению, в Казани с незапамятных времён до наших дней было всего девять настоящих поэтов. Причём половина из них — классики: Гавриил Державин, Евгений Баратынский, Велимир Хлебников и Николай Заболоцкий. Таким образом, на поэзию нашего времени остаётся всего пять имён: Леонид Топчий, Геннадий Капранов, Руслан Галимов, Владимир Рошкеттаев и Юрий Макаров. Как видим, в число избранных у Лавришко не попали даже такие общепризнанные мэтры, как Рустем Кутуй и Сергей Мальшев, не говоря уж о Лилии Газизовой или Ольге Левадной.

Свой субъективный взгляд на казанскую поэзию и у автора настоящей книги Рамиля Сарчина. Особенность его подхода заключается в том, что это — взгляд со стороны. Недавно переехав в наш город из Ульяновска, он, будучи завзятым любителем и знатоком поэзии, перечитал массу поэтических книг и остановил свой выбор на тринадцати самых близких ему по духу и самых талантливых поэтах. По его мнению, это Тимур Алдо-

шин, Вячеслав Баширов, Николай Беляев, Елена Бурундуковская, Равиль Бухараев, Лилия Газизова, Геннадий Капранов, Алёна Каримова, Роза Кожевникова, Рустем Кутуй, Сергей Мальшев, Алексей Остудин и Валерий Трофимов. С Вл. Лавришко автор пересёкся только в одном имени – Геннадия Капранова. Это лишний раз доказывает, что при оценке поэтических явлений налёта субъективности не избежать.

Сказать, что именно он, Сарчин, открыл этих поэтов, нельзя. Почти о каждом из них есть уже своя литература. Иногда, как в случае с Рустемом Кутуем, насчитывающая до сотни рецензий, отзывов и критических статей. Но анализ Сарчина отличается исключительным профессионализмом, глубиной и свежестью взгляда. Мы, коллеги по перу, часто судим о поэте по каким-то чисто человеческим качествам. Один отличается несносным характером, другой дружит с Бахусом, третья одержима чрезмерным тщеславием... Наш взгляд давно «замылится», мы многого не замечаем. Как сказал поэт, «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии».

Так вот, автор этой книги смотрит на казанскую поэзию с некоторого расстояния. Ему нет дела до человеческих слабостей того или иного поэта. Он судит об их творчестве и только о творчестве. Причём, судит убедительно, доходчиво и увлекательно. Чувствуешь, что ему самому доставляет удовольствие порассуждать о поэзии, разобрать «по косточкам» то или иное поэтическое произведение, проникнуть в тайну колдовского слова. И не беда, что тайна эта нередко ускользает даже от самого вдумчивого анализа. На то это и поэзия...

Сарчину нет дела до плохих поэтов. Они ему просто неинтересны. А о тех, о ком он пишет, он пишет с любовью и приязнью, избегая по возможности скучного наукообразия, того, что называют литературоведческим занудством.

До сих пор у нас ещё не было такого рода обобщающей книги о русской поэзии республики. Это – первый опыт такого рода. И, надеюсь, не последний...

Рафаэль Мустафин
2009